

Н.В. Злыднева (Москва, Россия)

Флакер и «Понятийник» русского авангарда

Аннотация: Статья посвящена организационной и научной роли А. Флакера в создании многотомного труда по теории и истории русского авангарда, который объединил усилия лучших европейских и российских филологов и искусствоведов в середине 1980-х – начале 1990-х гг. прошлого века. Описываются цели, структура и тематические блоки этого труда, его значение для изучения русской культуры XX в. Показана связь с традициями русской формальной школы, советским структурализмом.

Ключевые слова: Флакер, загребская школа литературоведения, русский авангард, зарубежная славистика, поэтика, литература и живопись XX века

N.V. Zlydneva (Moscow, Russia)

Flaker and the ‘Glossary’ of Russian Avant-Garde

Abstract: The article deals with the organizational and scholarly contribution of Prof. A. Flaker to the creation of a multi-volume work on the theory and history of the Russian avant-garde. The project consolidated the efforts of the best European and Russian philologists and art historians in the mid 80s and early 90s of the last century. The goals, structure and thematic blocks of this work, its significance for the study of Russian culture of the 20th century are described. The connection with the traditions of the Russian Formal school, Soviet structuralism is shown.

Key words: Flaker, Zagreb school of literary studies, Russian avant-garde, European Slavistics, poetics, the 20th century literature and painting

МЕМУАРНАЯ ПРЕАМБУЛА

Профессор Флакер – Александар Флакер, Саша (как он сам просил называть себя не только коллег и друзей, но и учеников) – был одним из тех людей, кто повлиял на выбор моих научных интересов, да и на всю научную судьбу. И мой случай типичен. Я познакомилась с ним в Загребе, в университете, куда впервые приехала из Белграда, где в 1976–1977 гг. проходила моя научная стажировка. На кафедре царил атмосфера творческого подъема и деловой радости, наверно, похожей на ту «веселую науку», которую в России создали еще русские форма-

листы и поддержал Бахтин. В окружении своих учениц и уже сотрудниц, таких молодых, ослепительно красивых и безумно талантливых: Дубравки Угрешич, Живы Бенчич, Маши Медарич (с еще одной ученицей и коллегой профессора, Дубравкой Ораич, я познакомилась позже), – задумчиво усмехавшийся Флакер казался погруженным в себя патриархом. Но стоило ему заговорить, и я сразу попадала под обаяние его ироничного, слегка парадоксального ума, искрометных оценок, головокружительных сопоставлений. И духа, свободного от каких-либо догм интеллектуального творчества, в который он был постоянно вовлечен. Чем-то он даже напоминал (и не только усиками) нашего гения парадоксов – Виктора Борисовича Шкловского. Флакер не мог не увлечь тем, чем был увлечен сам, и прежде всего тем, что в те годы называлось Великим экспериментом русского искусства, авангардом, столь близким ему по своей природе. Флакер был блестящим знатоком истории искусства первой трети XX в., не только литературы. Помню, с каким увлечением, на равных, он погружался в разговоры с Яковом Евсеевичем Рубинштейном – известным московским коллекционером живописи начала века, к которому я в начале 1980-х привела профессора во время его приезда в Москву. Уже тогда у Флакера рождался замысел создания большого коллективного труда – своего рода энциклопедии поэтики авангарда, и прежде всего русского исторического авангарда 1910–1920-х гг. Мне посчастливилось принять участие во многих семинарах этого проекта, за что с неизменной благодарностью вспоминаю Флакера, а также Дубравку Угрешич, делавшую мои приезды в Хорватию особенно насыщенными. Так в середине 1980-х начались мои первые шаги в исследованиях замечательной страницы русской культуры XX в., когда в России изучение авангарда было еще на полуправильном положении. Но что еще важнее – Флакер задал импульс исследованию понятий авангарда, его практики и теории в широком сравнительно-типологическом аспекте: я познакомилась с загребской школой литературоведения и – шире – теории и истории культуры в лице его блестящего представителя и одного из основоположников. Особенно ценным для меня был полученный на семинаре опыт междисциплинарного подхода к явлениям культуры, опыт изучения взаимодействия изображения и слова, живописи и поэзии во всем многогранном многоголосии. Александр Флакер был гражданином мира – и не только в силу своей биографии, не только потому, что ему довелось жить и работать во многих европейских странах и даже на другом континенте, но и потому, что, опираясь на глубокое знание фактуры художественных событий и при этом умея сочетать тонкий анализ произведений с его культурным контекстом и знаковой природой, виртуозно преодолевал видовые, жанровые, исторические границы искусства в своем научном творчестве, смело прокладывая новые пути в гуманитарном знании.

ПОНЯТИЙНИК

Флакер был организатором и вдохновителем многолетнего проекта «Понятийник русского авангарда»: с 1984 по 1993 г. опубликовано девять томов, все они вышли на хорватском языке, но большинство статей переведены на русский и представлены в журнале «Russian Literature», издающемся в Амстердаме. Кроме того, избранные статьи публиковались в «Wiener Slawistischer Almanach». В России эти работы до сих пор почти неизвестны, если не считать перепечаток на русском статей немногочисленных российских авторов, а также тех зарубежных ученых, кто публиковал свои труды в России в составе своих авторских сочинений

или в коллективных сборниках, например: О. Ханзен-Лёве, Х. Гюнтер, Д. Ораич и другие. Работа была организована четко: публикации каждого из томов предшествовали рабочие семинары. В отличие от обычных научных конференций, участники приезжали с уже готовыми текстами, которые – после краткого реферата автора – и обсуждались собравшимися, в этом состояла суть заседаний. Круг участников менялся, но основное ядро оставалось постоянным. Флакеру удалось привлечь к проекту самых лучших европейских славистов, которые теперь хорошо известны и российской гуманитарной общественности. В этом соцветии такие имена, как О. Ханзен-Лёве, И. Смирнов, Х. Гюнтер, Л. Силард, Р. Грюбель, Е. Фарино, Н. Нильссон, Р.-М. Циглер, З. Константинович, В. Вестстейн, К. Соливетти и многие другие. В основном филологи, но были и музыковеды (Д. Гойова), а позднее (по мере угасания советской власти в конце 1980-х) к ним присоединились русские литературоведы и искусствоведы, среди них, помимо автора этих строк, Т. Никольская, Г. Левинтон, Е. Ковтун, Т. Левая и другие. Всех этих ученых объединял не только интерес к истории русского авангарда, но и подход к изучению конкретного текста (материала литературы, живописи, музыки, манифестов авангарда) с точки зрения его структуры и функций в составе «текста» культуры, а главное – с точки зрения комплекса понятий, которые определяют поэтику как отдельного мастера, так и художественной формации в целом. Именно системный подход к феномену авангарда отличал эти исследования от многих других, проводившихся и в то время, и позднее. Группа исследователей, несомненно, опиралась на опыт европейской компаративистики и феноменологии, но при этом и русского формализма, а также соприкасалась с советским структурализмом, Московско-Тартуской школой (опыт советской семиотики переносился на европейскую почву, в частности, И. Смирновым, Е. Фарино, О. Ханзен-Лёве, Л. Силард). И, разумеется, свой важный вклад в реализацию проекта вносили хорватские «птенцы гнезда Флакерова»: Ж. Бенчич, С. Бриски, В. Голубович, М. Медарич, Д. Ораич-Толич, В. Ристер, Д. Угрешич, Й. Ужаревич и др.

Расположение и последовательность статей не подчинялись регулярности, они не были организованы в каком-либо порядке (алфавитном и пр.), и принцип их отбора диктовался как волей авторов, так и предложениями Флакера. Сильный научный коллектив задавал «магнитные поля», по которым сами собой отбирались темы, и этот способ отбора доказал свою продуктивность. Темы касались преимущественно категорий поэтики, которыми оперировали мастера живописи и слова 1910–1920-х гг. в своих манифестах и теоретических трудах, понятий, восходивших к практике авангарда и нашедших отражение в русском формализме, а также тех категорий, которые соответствовали современному подходу к изучению культуры в рамках структуры текста. Так, уже в первом томе «Понятийника» (1984) появились статьи о фактуре (О. Ханзен-Лёве), карнавализации (Л. Силард), монтаже (Г. Шауман), примитивизме (Н. Нильссон) и звездном языке (Д. Ораич). Во втором (1984) – о катахрезе (И. Смирнов), доминанте (О. Ханзен-Лёве), имкомпатибельности (Й. Ужаревич), орнаментализме (Л. Силард). Позднее на страницах многотомника нашли отражение понятия сдвига, монтажа, хронотопа, метаморфозы и др. Вторая группа тем освещала страницы истории авангарда. В условиях, когда в России архивные материалы были почти недоступны, живопись упрятана в запасники музеев, а многие литературные произведения напечатаны только на Западе или томились в рукописях, освещение таких имен, как Л. Добычин, Е. Гуро, В. Гнедов, А. Крученых, Н. Эрдман, а также групп Серапионовы бра-

тья, эмоционалисты, обэриуты и множество других, воспринимались как сенсация. Наконец, третья группа материалов касалась поэтики отдельных мастеров и произведений в сопоставительном ракурсе, выявлявшем неожиданные стороны предмета. Так возникали нашедшие впоследствии множество откликов проблемы авангарда в связи с барокко, символизмом и соцреализмом, поэтики пространства у И. Бабеля, зауми В. Хлебникова, нордического мифа и многое другое. По мере ослабления пут советского режима к проекту постепенно стали подключаться и российские ученые, близкие по духу этому европейскому кружку. Так, в 1989 г. в шестом томе была опубликована программная статья Вяч.Вс. Иванова «Хлебников и типология авангарда XX века», там же и в других томах активное участие приняли знатоки изобразительного искусства Е. Ковтун и Н. Гурьянова, а также теоретик соцреализма Б. Гройс. Влияние российской научной школы проявлялось и помимо живого присутствия на заседаниях его представителей: например, в ряде тем отразилась разработанная В.Н. Топоровым проблематика «петербургского мифа» (статья Н. Мораньяк-Бамбурач о Пильняке). Публиковались и работы «последних могикиан», в первую очередь Н. Харджиева («Полемика в стихотворениях»). Ценным вкладом в изучение авангарда стало освещение философского контекста русской культуры начала XX в. (П. Флоренский, Г. Шпет, А. Белый), а также инвариантной основы поэтики в плане сравнения литературы и живописи авангарда (Л. Андреев и Э. Мунк, Л. Андреев и лубок, проблема орнамента и др.), а также музыки.

В деле осмысления связей литературы и искусства трудно переоценить вклад, который в проект внес Александр Флакер. Тонкий ценитель живого духа авангарда, он ощущал органическую связь слова и изображения в поисках новых художественных путей XX в., смысл которых уже в те революционные годы был сформулирован В. Хлебниковым, обратившимся к собратьям по перу с призывом «пусть слово смело пойдет за живописью». Флакер был одним из тех европейских ученых, кто на ранней стадии изучения авангарда дал старт проблеме «литература и живопись», поместив свою статью на эту тему в четвертом томе «Понятийника» (1985). Именно Флакером был выдвинут и доказавший впоследствии свою научную продуктивность тезис об «оптимальной проекции» как ведущем стержне стратегии авангардной поэтики на разных уровнях и в разнообразных формах ее реализации, обращенности радикальных художественных прорывов в будущее. Значимый резонанс получили и другие проблемы, поднимавшиеся в статьях Флакера: об эстетической провокации авангарда, о метаморфозе, а также понятии быта в поэтике авангарда, о конструктивном романе 1920-х гг.¹ Игровой, креативный исследовательский темперамент Флакера в русском авангарде обрел свой *modus vivendi*, и занятая ученым конгениальная позиция по отношению к изучаемому научному предмету не только способствовала продуктивному построению аналитических концепций и исторических комментариев, но и как бы воссоздавала саму среду эпохи, ее «поверх барьерный» полет.

Флакер много раз бывал в России, знал и любил русскую культуру. Защищал ее от нападков мракобесов: помню его яркое выступление на съезде славистов 1984 г. в Киеве, где он с присущей ему энергией парировал грубости одного из советских участников заседания в адрес Кристины Поморки, ученого из США, выступившей, выступившей с докладом о влиянии философии Николая Федорова на Мая-

¹ Многие из этих статей позднее составили содержание сборников трудов А. Флакера на русском языке: *Флакер А. Живописная литература и литературная живопись*. М.: Три квадрата, 2008.

ковского. Не стоит забывать: то, что сегодня в изучении русского авангарда представляется само собой разумеющимся, выглядело далеко не однозначно 40 лет назад, когда все начиналось. И нужно было обладать мужеством и проницательностью, верностью своей профессии, чтобы сделать эти первые шаги. Организатор и вдохновитель труда по истории и теории авангарда, собравший в проекте «Понятийник русского авангарда» цвет европейской славистики 1980-х гг., автор оригинальных, актуальных и поныне идей, Флакер заслуживает благодарности нынешних поколений гуманитариев и благодарной памяти потомков.

POST SCRIPTUM

Проект по авангарду завершен, но труд по исследованию категорий культуры XX в. продолжается, и замысел этого продолжения принадлежал самому Флакеру, – таким образом, международный семинар на базе Загребского университета не прекращает своей работы. Эстафету в наши дни приняли его ученики: их силами (Я. Войводич, Й. Ужаревича, Ж. Бенчич и других) и под эгидой Загребского университета уже много лет ведется исследование культуры XX в. в ее наиболее характерных проявлениях. Прежнего семинара уже нет, однако ядро его участников осталось, сохранились и прежние научные принципы, они стали центром притяжения молодых сил. И это внушает оптимизм.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Флакер А. Живописная литература и литературная живопись. М., 2008. 432 с.: ил. / Flaker A. (2008) Picturesque Literature and Literary Painting. Moscow. 432 p.: ill.

Pojmovnik ruske avangarde / Red. A. Flaker, D. Ugrešić. Vol. 1–9. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1984–1993.

Сведения об авторе:

Наталья Витальевна Злыднева,
доктор искусствоведения
заведующая отделом истории культуры
славянских народов,
Институт славяноведения, РАН
гл. науч. сотрудник,
Институт мировой культуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Zlydneva,
Doctor of Arts
Head of the Department of the History of Culture
of Slavic Peoples,
Institute of Slavic Studies, RAS
Senior Researcher,
Institute of World Culture,
Lomonosov Moscow State University
natzlydneva@gmail.com